

УДК 327(410)
ББК 66.4(4Вел)

Воробьева Людмила Михайловна*, доктор политических наук, руководитель Центра европейских исследований РИСИ.

Британия и ЕС: на длинном и крутом пути расставания

Вrexit — это акт обретения независимости и суверенитета, выраженный в форме прямой демократии, т.е. непосредственного волеизъявления народа. Ни в какие времена обретение независимости и суверенитета не было лёгким и бесконфликтным. Не стало оно таковым и в случае с Вrexit.

В течение десятилетий возможность выхода какой-либо страны из состава ЕС даже не обсуждалась. Формальное право на выход было предусмотрено только в 2008 г. Лиссабонским договором и зафиксировано в ст. 50 Договора о ЕС. Поскольку отказ от членства в Евросоюзе считался маловероятным, ст. 50 не содержит конкретного механизма реализации этого процесса.

Референдум по Вrexit и решение правительства Т. Мэй вывести Великобританию из ЕС поставили под сомнение привлекательность Евросоюза и способность его структур противостоять дезинтеграционным тенденциям. Брюссель оказался перед сложным выбором. С одной стороны, ему невыгодно жёсткой переговорной позицией разрушать отношения с Великобританией, крупной европейской военной державой, постоянным членом СБ ООН, шестой экономикой мира, важным рынком сбыта для ЕС, особенно для Германии. С другой стороны, успех Вrexit, если Брюссель не будет ему противодействовать, может усилить центробежные тенденции в Евросоюзе с перспективой его распада.

Удастся ли ЕС преодолеть это противоречие, т.е. не допустить дезинтеграции и в то же время без скандалов и нагромождения препятствий спокойно отпустить Великобританию в свободное плавание, чтобы сохранить её в качестве важного партнёра? Во всяком случае, на основании того, как ЕС справится с британским вызовом европейскому статус-кво, можно будет судить и о жизнеспособности Евросоюза, его верности провозглашённым демократическим принципам, и в частности такому важному принципу демократии, как право наций на самоопределение и право государств на суверенитет.

Противоречия на старте

Ещё десять лет назад выход Британии из Европейского союза казался немислимым. Первоначально большинство из 650 депутатов нижней палаты парламента были за сохранение членства в ЕС. Твёрдое ядро сторонников

---

* lmvorobieva@mail.ru

Brexit образовывали 100 консерваторов, которые задавали тон. Среди них выделялся нынешний министр иностранных дел Борис Джонсон. Будучи в начале 1990-х гг. корреспондентом *Daily Telegraph* в Брюсселе, он последовательно высмеивал ЕС и изображал его бюрократическим монстром. Стиль Джонсона был вскоре подхвачен многими британскими газетами, поскольку политика Брюсселя давала достаточно поводов для критики. В результате в течение более чем двух десятилетий ЕС на Британских островах имел негативное и насмешливое освещение в СМИ.

Решение британского премьер-министра Д. Кэмерона провести референдум в отношении членства Великобритании в ЕС было продиктовано стремлением преодолеть раскол в Консервативной партии по этому вопросу, поставив тори перед лицом выбора народа. Это решение подкреплялось оценками, согласно которым после победы консерваторов на выборах в 2015 г. и формирования однопартийного правительства вероятность голосования британцев в подтверждение европейского выбора страны будет высокая.

После того как на референдуме в июне 2016 г. около 52 % британцев высказались за выход из ЕС, сторонники Brexit из числа консерваторов стали подчёркивать, что другой альтернативы нет и надо уважать выбор народа. Правда, непосредственно после волеизъявления избирателей некоторые политики и комментаторы ещё сомневались, что дело может действительно дойти до выхода из ЕС, потому что требовалось одобрение парламента. Сегодня большинство депутатов чувствуют себя связанными результатом референдума и больше никто не сомневается в том, что Brexit состоится.

Новый британский премьер Тереза Мэй видит в Brexit шанс сделать Великобританию более сильной и справедливой, поскольку страна будет принимать собственные решения и собственные законы. "Наши лучшие дни впереди", — таково мнение Т. Мэй.

29 марта 2017 г. (на четвёртый день после юбилейной даты — 60-летней годовщины европейской интеграции) британское правительство в шестистраничном письме на имя президента Европейского совета Дональда Туска официально заявило о намерении Соединённого Королевства выйти из Европейского союза, отметив, что покидает ЕС, но не Европу. Кроме того, в письме 7 раз было подчёркнуто, что Великобритания стремится "к глубокому и особому партнёрству" с Европейским союзом¹. Таким образом, был дан старт переговорам с Брюсселем.

Девять месяцев с момента проведения референдума до подачи Великобританией заявления о выходе из ЕС Брюссель использовал для подготовки к дню "В". В октябре 2016 г. главным уполномоченным ЕС по переговорам (в ранге руководителя специальной оперативной группы — *Special Task Force*²) был назначен бывший комиссар по европейскому внутреннему рынку француз Мишель Барнье³. Его заместитель — немка

¹ A race against time // The Economist. 2017. 1 April. P. 26–27.

² В июне 2017 г. в неё был принят 37-й по счёту сотрудник, специалист по таможенным тарифам.

³ М. Барнье, 66 лет. Многократно занимал министерские посты во французском правительстве. Знает А. Меркель со времени, когда оба были министрами по охране окружающей среды. Контакт с ней не прерван. Позднее, будучи лидером оппозиции,

Сабине Веанд — известна в Брюсселе своей дисциплинированностью и прямолинейностью. При деятельном участии Германии были определены интересы и цели ЕС на переговорах и разработаны директивы, которые образовали основу для более объёмного переговорного мандата Комиссии ЕС⁴. В конце мая 2017 г. мандат Еврокомиссии был одобрен 27 странами — членами ЕС. В июне после внеочередных парламентских выборов в Великобритании переговоры были начаты.

Британию на переговорах представляет Дэвид Дэвис, министр по делам Brexit. У отношений Барнье и Дэвиса есть предыстория. Они познакомились в 1995 г., когда, будучи оба в должности госсекретарей по европейским делам, входили в аналитическую группу, занимавшуюся вопросами европейского будущего в контексте вступления в ЕС Австрии, Финляндии и Швеции. С некоторыми политиками из этой группы Барнье до сих пор поддерживает дружеские отношения. Дэвис же всегда держался особняком, и практически никто не шёл с ним на сближение. Уже тогда бросалось в глаза, что британец мыслил не по-европейски. Считается, что в переговорах по Brexit такой настрой Д. Дэвиса должен проявиться с новой силой, и это усложнит процесс нахождения компромиссов. Правда, специфические детали уполномочены урегулировать прежде всего специалисты⁵.

М. Барнье и его команда исходят из чётких представлений о последовательности и содержании переговорного процесса. Комиссия ЕС, следуя полученному мандату, намерена вести их с "крайней жёсткостью"⁶. Такой подход отражает настроения в руководстве Европейского союза. На словах Брюссель выражает своё уважение к воле британцев и признаёт их право на самоопределение в вопросе о членстве в ЕС. Однако дальнейшие события

Меркель заходила к нему в Брюсселе, чтобы вместе позавтракать. В течение своей политической жизни Барнье был наблюдателем и участником многих переговорных процессов. Умеет слушать и обладает способностью как уступать, так и настаивать на своём, не считаясь со временем, нередко вплоть до раннего утра. Присутствовал на таких важнейших этапах европейского объединительного процесса, как согласование Амстердамского и Ниццкого договоров. Теперь же впервые выступает переговорщиком от ЕС в деле европейского разведения. Считает, что в политике следует руководствоваться не представлениями о желаемом, а извлекать максимум возможного из того, что есть. На столе в его рабочем кабинете стоит чашка с надписью "Keep calm and carry on" ("Сохранять спокойствие и так держать"). Этим лозунгом в годы Второй мировой войны британское правительство призывало своих граждан к спокойствию. По мнению наблюдателей, на высоких трибунах представителю ЕС не хватает обаяния. Он методично зачитывает страницу за страницей, не заботясь о том, чтобы увлечь аудиторию. У него отсутствуют лёгкость и непосредственность, с которыми представители французской элиты охотно демонстрируют своё "всезнайство". Французская газета *Libération* даже рассмотрела у Барнье жестикуляцию "нотариуса из провинции". Журнал немецких деловых кругов *Wirtschaftswoche* считает, что для переговоров за закрытыми дверями вовсе не обязательно обладать личным обаянием: там имеет преимущество и блистает сын ремесленника, который окончил не кузницу кадров ENA, а частный экономический вуз ESCP. Как свидетельствует М. Фербер, немецкий депутат Европарламента от ХСС, Барнье знает свои досье и чётко определяет, где ещё есть пространство для манёвра. Несмотря на свой возраст, Барнье начал улучшать знание английского языка. Он владеет английским не столь хорошо, чтобы вести на нём переговоры, но довольно хорошо, чтобы разрядить обстановку прибегая к *small talk*. См.: *Wettach S. Der Mann, der Bäume und Briten versteht // Wirtschaftswoche. 2017. No. 25. S. 29–30.*

⁴ *Kirchner T., Mühlauer A. Nur vier Minuten // Süddeutsche Zeitung. 2017. 2 Mai. S. 5.*

⁵ *Wettach S. Der Mann, der Bäume und Briten versteht.*

⁶ *Brüssel beim Brexit unerbittlich // Süddeutsche Zeitung. 2017. 21 April. S. 7.*

показывают нарастание попыток выхолащивания этого права таким нагромождением условий (не упоминаемых в ст. 50), которые формируют устрашающий эффект для всех стран-членов, чтобы они не помышляли об уходе из Союза.

Многие евробюрократы воспринимают решение британцев покинуть Евросоюз как акт коллективной глупости и объясняют этот шаг их ограниченной островной ментальностью. Реакция оскорблённых европейских политиков сводится к тому, чтобы сделать для Британии выход из ЕС как можно более болезненным. Для евростратегов важно не допустить, чтобы сделка по Brexit оказалась для Лондона благоприятнее, чем членство в ЕС. Только так, как считается, Европейский союз сможет предотвратить выход из своего состава других стран⁷. Немецкий канцлер А. Меркель и председатель Комиссии ЕС Ж.-К. Юнкер предупредили британцев — не питать никаких иллюзий.

За месяцы до начала переговорного процесса Лондон столкнулся с рядом требований, которые были восприняты как чрезмерные и идущие вразрез с планами Т. Мэй. Хотя обе стороны подчёркивали заинтересованность в корректных и конструктивных переговорах, однако конфликтный потенциал стал очевидным уже 29 марта 2017 г. Т. Мэй хотела синхронизировать процесс обсуждения условий выхода из ЕС с согласованием будущих европейско-британских отношений, включая заключение обширного торгового договора. Брюссель и Берлин разделили переговорный процесс на две фазы. В первой фазе Лондон должен был выполнить предварительные условия, и только затем допускался переход ко второй фазе — переговорам о будущих отношениях Евросоюза с Великобританией.

По сути предварительные условия явились своего рода ультиматумом, пункты которого нацелены на понуждение британского правительства к отказу от обещаний, обеспечивших организаторам Brexit победу на референдуме в июне 2016 г.

1. Обещали в ходе кампании в поддержку Brexit жёсткий контроль иммиграции, в том числе из ЕС. Между тем Брюссель требует для всех 3,5 млн мигрантов из стран — членов ЕС, обосновавшихся в Великобритании до даты её выхода из Евросоюза, пожизненного сохранения прежних прав, в частности равноправного доступа на рынок труда и к британской социальной системе. Возведение для них новых бюрократических барьеров Брюссель считает недопустимым.

2. Обещали значительную экономию средств в случае Brexit, а Еврокомиссия выставляет ориентировочный счёт в размере 60 млрд евро, который, как заявлялось, может быть изменён только в сторону увеличения. Брюссельские переговорщики настаивают на том, чтобы Соединённое Королевство погасило весь ущерб, связанный с его выходом из ЕС, и притом в евро. Тем самым Комиссия хочет возложить на плечи британцев любой риск, связанный с европейской валютой. Лондон должен оплатить расходы, связанные с переводом институтов ЕС (в частности Европейского ведомства банковского контроля и Европейского фармацевтического агентства) в континентальную Европу; выполнить все прежде

⁷ Mühlauer A. Rechnung aus Brüssel // Süddeutsche Zeitung. 2017. 3 Februar. S. 2.

взятые обязательства по запланированным в прошедшие годы европейским проектам⁸; продолжить выплаты в бюджет (2019–2020 гг.), в структурные фонды; принять участие в покрытии расходов по кредитным соглашениям ЕС, а также в пожизненном пенсионном обеспечении всех (а не только британских) чиновников ЕС и пр.⁹ В отношении финансовых обязательств Великобритании Еврокомиссия демонстрирует непреклонность, хотя понимает, что этот вопрос очень затруднит переговорный процесс.

3. Обещали переход к британскому праву, а ЕС настаивает на сохранении юрисдикции Европейского суда. Т. Мэй столкнулась с требованиями сохранения полномочий Европейского суда во всех процессах, которые были начаты до выхода Британии из ЕС, а также в тех случаях, если повод к ним относится ко времени до выхода из Евросоюза или когда европейское право ещё применяется. Кроме того, европейская сторона настаивает на гарантиях выполнения вердиктов Суда и после Brexit.

Первоочередного прояснения, с точки зрения Еврокомиссии, требует не менее важный вопрос о том, как не допустить закрытия границы между членом ЕС Ирландией и входящей в Соединённое Королевство Северной Ирландией. Не исключено, что средством давления на Лондон может стать шотландский и североирландский сепаратизм, поддерживаемый в Евросоюзе в условиях Brexit.

Согласно установленному графику все эти вопросы должны были быть решены уже осенью 2017 г.¹⁰ И тогда Брюссель счёл бы возможным дать зелёный свет второй фазе переговорного процесса. Никто не ожидал, что прощание Британии с ЕС будет гармоничным, ведь речь идёт о многом, и не в последнюю очередь о больших деньгах. Однако уже до начала переговоров атмосфера накалилась до предела. Тон будущих переговорщиков стал заметно суровее. Поскольку выход Британии из ЕС считается неизбежным, то основной вопрос, волнующий евростратегов, сводился к тому, какой Brexit предпочтёт Лондон — "мягкий" или "жёсткий"?

Если следовать волеизъявлению большинства британцев, Brexit должен быть жёстким. Он означает отказ от фундаментального принципа ЕС — свободы перемещения людей в границах европейского сообщества, а также предусматривает выход из-под юрисдикции Европейского суда. Поскольку такие решения, согласно европейскому законодательству, несовместимы с пребыванием во внутреннем рынке ЕС и таможенном союзе, то жёсткий Brexit лишает Британию права быть участником внутреннего

⁸ Например, если ЕС при согласии Британии принял решение финансировать строительство какой-нибудь автотрассы в Румынии, Лондон должен погасить часть расходов также и после Brexit.

⁹ Аналитики брюссельского "мозгового центра" Bruegel предложили возможный счёт по Brexit в размере 86,9 млрд евро с разбивкой по следующим позициям: проекты ЕС — 29,9 млрд евро, участие в финансовых обязательствах стран-членов в 2019–2020 гг. (особенно выплаты в сферу сельского хозяйства) — 21,9 млрд, структурные фонды (финансирование развития бедных регионов ЕС) — 17,8 млрд, расходы, связанные с предоставлением кредитов, — 9,6 млрд евро, пенсии чиновникам ЕС — 7,7 млрд евро. См.: Brössler D., Mühlauer A. Die Briten zocken // Süddeutsche Zeitung. 2017. 26–27 August. S. 1.

¹⁰ Brössler D., Mühlauer A. "Sehr gut gerüstet" // Süddeutsche Zeitung. 2017. 30 März. S. 2.

рынка ЕС и таможенного союза. Правительство идёт на такие потери, поскольку с возвращением суверенитета получает возможность контролировать иммиграционные процессы, обеспечивать верховенство британского права и расширять торгово-экономические отношения с внешним миром. Brexit может быть только жёстким ещё и потому, что вердикт референдума направлен против неолиберального истеблишмента, который в ЕС представлен евробюрократией высшего эшелона.

Соответственно, мягкий Brexit предполагает формирование иммиграционной политики согласно установкам из Брюсселя, требует подчинения британского законодательства юрисдикции Европейского суда и на этих условиях позволяет Британии сохранить доступ к внутреннему рынку ЕС, равно как и членство в таможенном союзе. По сути понятие "мягкий Brexit" выступает своего рода эвфемизмом, подразумевая сдачу позиций Брюсселю и согласие с ограничением суверенитета, обличённым в разновидность ассоциированного членства Соединённого Королевства в Европейском союзе. Брюссель и Берлин хотели, чтобы британское правительство выбрало именно этот вариант, поскольку не оставляли надежды на возвращение британцев в "европейский дом".

Поскольку главными на референдуме были темы иммиграции и возвращения к приоритету национального права, Т. Мэй выбрала жёсткий Brexit. *Большинство противников ЕС в Соединённом Королевстве хотят как можно меньше связей с Брюсселем. Они считают, что Великобритания, освободившаяся от регулирования ЕС, сможет активнее торговать с остальным миром.*

В этом убеждении их укрепил Д. Трамп, когда ещё до своего вступления в должность дал интервью Майклу Гоуву, комментатору лондонской *Times* (занимал пост министра юстиции в правительстве Кэмерона, был одним из активных организаторов Brexit, в настоящее время министр экологии в правительстве Т. Мэй). В интервью президент США заявил, что Brexit — это грандиозно, что он давно его предсказывал, а все думали, что он сошёл с ума. Д. Трамп сообщил о своём намерении заключить между США и Великобританией договор о свободной торговле. "Мы будем усердно работать, чтобы это сделать быстро и в интересах обеих сторон", — подчеркнул он. На фотографии, запечатлевшей Д. Трампа и М. Гоува, оба подняли вверх большой палец¹¹.

Победа Д. Трампа на выборах углубила пропасть между ЕС и Великобританией, существовавшие прежде различия проступили теперь ещё явственнее. На Старом континенте, и особенно в Германии, растут опасения, что британцы сильнее повернутся в сторону США. Если же Д. Трамп осуществит свои протекционистские планы, тогда немецким предприятиям грозит двойной удар: они должны будут опасаться за свой экспорт как в США, так и в Великобританию¹².

Поскольку Брюссель надеялся в ходе переговоров сохранить Британию в орбите ЕС хотя бы в статусе своего рода ассоциированного члена, то выбор Т. Мэй обусловил отношение к ней в Брюсселе как к серьёзному противнику, успех которого только усилит центробежные тенденции в ЕС.

¹¹ *Zaschke Ch.* Erhellendes aus dem Herrenhaus // *Süddeutsche Zeitung*. 2017. 17 Januar. S. 7.

¹² *Paully Ch., Reiermann Ch.* Doppelter Schlag // *Der Spiegel*. 2016. No. 47. S. 75–76.

Хотя и А. Меркель, и Ж.-К. Юнкер, и М. Барнье неоднократно заявляли, что они уважают выбор британцев и речь не идёт о наказании Великобритании¹³, однако факты (в том числе и вышеприведённые) свидетельствуют об обратном. Какое-то время британский переговорщик Д. Дэвис полагал, что можно сразу после выхода Британии из ЕС заключить двусторонние договоры с большинством государств Европейского континента. Однако Брюссель развеял его "наивные ожидания", заявив, что большинство европейских государств должны заключать такой договор вместе как блок, поскольку они интегрированы в ЕС. Таким образом, окончательное решение принимает Брюссель. Кроме того, в переговорном процессе планируется учитывать интересы не только Евросоюза в целом, но каждой отдельной страны-члена, которая может выставить свои собственные требования по компенсации ущерба в связи с будущим переходом Великобритании в статус третьей страны по отношению к Евросоюзу.

Нагромождение требований и условий со стороны ЕС, не приемлемых с точки зрения Т. Мэй, побудило её заявить, что "отсутствие сделки лучше, чем плохая сделка". В контексте этого заявления британский премьер предостерегла ЕС в отношении последствий Brexit без заключения договора. В этом случае может произойти ослабление совместной борьбы с терроризмом и преступностью. Тем самым Т. Мэй намекнула на важную роль британских спецслужб и военного потенциала Великобритании, что Брюссель не может игнорировать. В то же время в выступлении в палате общин (конец января 2017 г.) Мэй подтвердила стремление Британии и дальше тесно сотрудничать с ЕС, а именно: в области безопасности, противодействия террору, в научных исследованиях и образовании¹⁴.

Тем не менее *британский премьер дала понять, что в условиях проблем с ядерной безопасностью Европы она будет использовать статус ядерной державы (Британия – единственная ядерная держава, которая делает ставку исключительно на системы морского базирования) как рычаг на переговорах с ЕС по Brexit*. В своей речи в парламенте она подчеркнула, что Великобритания и Франция являются не только единственными ядерными державами в Европе, но также единственными европейскими государствами со статусом постоянных членов в СБ ООН. Затем она перешла к угрозам: если ЕС захочет наказать Британию в процессе переговоров по Brexit, он столкнётся с последствиями для политики безопасности. Ядерная защита со стороны Великобритании будет только в том случае, если Евросоюз уступит в вопросах торговли.

Статья 50 Договора о ЕС предусматривает двухгодичный переговорный процесс об условиях выхода. Стороны согласились, что переговоры будут занимать одну неделю в месяц (такие недели получили название раундов). На тот случай, если выяснится, что в связи с большим количеством открытых вопросов необходим переходный период, тогда относящиеся к нему критерии планировалось согласовать до октября 2018 г. К этому времени М. Барнье хотел бы иметь уже согласованный договор

¹³ Mührlauer A. EU bemüht um Entspannung im Brexit-Streit // Süddeutsche Zeitung. 2017. 4 Mai. S. 1.

¹⁴ Finke B., Brössler D. May: Wir verlassen die EU, nicht Europa // Süddeutsche Zeitung. 2017. 30 März. S. 1.

с тем, чтобы Европарламент мог своевременно его одобрить. Если переговорный график будет выдержан, к весне 2019 г. Соединённое Королевство после 46 лет членства больше не будет частью ЕС¹⁵.

Единство 27 стран-членов по Brexit пока сохраняется. Наблюдатели в то же время задаются вопросом, как долго оно продержится. Так, тесные торговые партнёры Британии (прежде всего Бельгия, Нидерланды, Люксембург) не поддерживают чрезмерно жёстких требований к Лондону и тем более его "наказания". Для них более приемлемо предложение британцев — как можно скорее перейти к размышлениям о будущих европейско-британских отношениях. Один дипломат ЕС осторожно охарактеризовал складывающуюся ситуацию так: "Налицо некий потенциал для дискуссий"¹⁶.

В ЕС надеются на пропагандистский эффект сложного переговорного процесса. Он должен показать, как чрезвычайно переплетены друг с другом страны-члены и с каким ущербом в хозяйственной сфере и в обычной жизни людей связан предстоящий разрыв. В результате население остальных 27 стран должно быть подведено к выводу, что право на выход из ЕС следует соединять с долгом всё рационально обосновать, ибо теперь условием сохранения единства Европейского союза считается разум¹⁷.

По сути, Великобритания становится испытательным полигоном эффективности контрмер Брюсселя и предостерегающим примером для других. На Великобританию за решение воспользоваться ст. 50 обрушен шквал строгих предупреждений, угроз, катастрофических сценариев, а любые затруднения на пути к Brexit комментируются в СМИ с нескрываемым злорадством. Сама же статья 50, по впечатлению наблюдателей, стала своего рода аналогом ядерного оружия, которое не применяют, но используют для устрашения.

Ситуация в британских регионах в условиях Brexit

Процесс выхода Британии из ЕС осложнён значительными региональными проблемами. Соединённое Королевство является государством четырёх национальных групп и состоит из Англии, Уэльса, Шотландии, Северной Ирландии и других территорий, включая острова в проливе Ла-Манш, а также Гибралтар на южной оконечности Иберийского полуострова. Лондон как столица и международная экономическая метрополия имеет также собственный политический вес.

Хотя в целом по стране британцы с минимальным большинством (52 % против 48 %) проголосовали за Brexit, однако на уровне регионов голоса распределились крайне неравномерно. На одной стороне — во всех избирательных округах Шотландии и Северной Ирландии и почти во всех округах Лондона до 70 % проголосовавших высказались за сохранение членства Великобритании в ЕС. На другой стороне — большинство населения Уэльса и остальной Англии выступили за выход Британии из Евросоюза. Такой разброс позиций усиливает существующую региональную

¹⁵ The negotiator // The Economist. 2017. 1 April. P. 11.

¹⁶ Kirchner T., Mühlauer A. Nur vier Minuten // Süddeutsche Zeitung. 2017. 2 Mai. S. 5.

¹⁷ Brössler D. Was Europa eint // Süddeutsche Zeitung. 2017. 25–26 März. S. 4.

напряжённость. В Шотландии¹⁸ Первый министр регионального правительства и председатель правящей Шотландской национальной партии (ШНП) Никола Стёрджен не снимает с повестки дня вопрос о проведении нового референдума о независимости Шотландии и стремится по меньшей мере к выстраиванию особых отношений с ЕС.

Правительство Соединённого Королевства исключает для регионов особый путь ввиду централистского характера британской демократии. При передаче Лондоном административных прав своим представителям в регионах внешняя политика, и в частности на европейском направлении, остаётся прерогативой британского правительства. Лондон правомочен вести переговоры с Брюсселем, не связывая себя позицией региональных правительств, хотя при желании он может пойти на консультации с ними.

Британское правительство неоднократно заявляло Эдинбургу, что при выходе Великобритании из ЕС принятые решения будут распространяться на все регионы страны и ни для кого не будет исключений. Таким образом, доступ Шотландии к внутреннему рынку ЕС и её миграционная политика всецело зависят от позиции Лондона, которая найдёт своё выражение в соглашении с Брюсселем в ходе переговорного процесса. Стоит отметить, что Н. Стёрджен, благодаря своей борьбе за независимость Шотландии и за сохранение для этого региона доступа к внутреннему рынку ЕС, слывёт в Брюсселе "народной героиней" и пользуется симпатией среди евробюрократов. По-видимому, с оглядкой на Брюссель, но вопреки мнению населения она требовала значительно увеличить приём иммигрантов в Шотландию.

В вопросе шотландской независимости Н. Стёрджен и её партия настроены на конфликт с Лондоном. Согласно аргументации ШНП, Brexit, против которого на референдуме в июне 2016 г. высказались 62 % шотландцев, ведёт к фундаментальным изменениям в Шотландии. Такая ситуация "требует и позволяет" провести новый опрос, теперь уже в отношении независимого статуса региона, который хочет остаться в ЕС. 28 марта 2017 г., за день до объявления Британией о выходе из ЕС, региональный парламент в Эдинбурге принял решение о предстоящем народном голосовании. Оно должно состояться в период между осенью 2018 и весной 2019 г., т.е. до официального выхода Британии из Евросоюза.

Основная трудность для сепаратистов заключается в том, что проведение референдума в запланированные сроки требует согласия премьер-министра Т. Мэй. А она сказала чёткое "нет" планам ШНП. По её словам, вначале Великобритания должна выйти из ЕС, затем для всех, включая шотландцев, должны проясниться последствия Brexit. В соответствии с таким подходом референдум может быть проведён не раньше 2020–2021 гг., т.е. после очередных выборов в палату общин и в шотландский региональный парламент.

¹⁸ В 1707 г. Королевство Шотландия объединилось с Англией. В результате была основана Великобритания. В 1997 г. 74,2 % шотландцев проголосовали за создание регионального парламента. Через два года шотландский парламент был учреждён в Эдинбурге. С 2007 г. Шотландская национальная партия руководит правительством меньшинства. В сентябре 2014 г. 55 % шотландцев проголосовали против независимости Шотландии. В этом же году Никола Стёрджен возглавила ШНП и стала Первым министром в правительстве. В июне 2016 г. на референдуме по Brexit 62 % шотландцев высказались за сохранение членства Великобритании в ЕС.

Примечательно, что сегодня позиция Т. Мэй устраивает верхушку ШНП, поскольку, согласно опросам, поддержка шотландской независимости снижается и не набирает большинства¹⁹. Исходя из этого, более ранний срок голосования нежелателен для шотландских националистов. В то же время стремление Лондона притормозить реализацию решения Эдинбурга о референдуме даёт сепаратистам желаемый повод для политических атак на центральное правительство.

Н. Стёрджен знает, что по основным вопросам позиции шотландцев и англичан не расходятся принципиально, несмотря на разные результаты волеизъявления по Brexit. Шотландцы вместе со своими английскими соседями поддерживают ограничение иммиграции и предпочитают свободную торговлю политическому союзу с ЕС. Это позволило британским журналистам сделать вывод, что шотландское население не обязательно является "еврофилами", а просто по сравнению с англичанами настроено "менее евроскептически"²⁰.

По этим причинам Н. Стёрджен и её предшественник А. Сэлмонд больше не пропагандируют полное и немедленное членство в ЕС. Они считают, что "независимая Шотландия" должна на первых порах вступить только в Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕФТА), в которую входят Норвегия, Исландия, Лихтенштейн и Швейцария. Благодаря этому будет сохранена свободная торговля с ЕС. Н. Стёрджен и А. Сэлмонд, делая акцент на такой план, хотят убедить тех сторонников независимости, которые не только намерены вывести Шотландию из состава Соединённого Королевства, но и являются принципиальными противниками любого союза. Во всяком случае ШНП оставила надежды, что сможет каким-то образом предотвратить выход Шотландии из ЕС. Возникшая неопределённость является также доводом против раннего референдума.

"Шотландский вопрос" заметно актуализировался, когда маленький Гибралтар неожиданно выдвинулся в центр дискуссии по Brexit (конец марта 2017 г.). Т. Мэй забыла упомянуть британский эксклав на юге Испании в письме в Европейский совет о выходе из Европейского союза. В случае жёсткого Brexit граница между скалами в Средиземном море и Испанией станет внешней границей ЕС с паспортным контролем и таможенными барьерами. Перед лицом такой перспективы 96 % жителей Гибралтара, зависящего от торгово-экономических связей с Испанией, проголосовали в июне 2016 г. против Brexit.

Если по Гибралтару будет заключён сепаратный договор между Лондоном, Мадридом и ЕС, то это косвенно усилит переговорную позицию шотландского правительства, которое предпочитает собственную сделку

¹⁹ Н. Стёрджен неправильно оценила эффект референдума по Brexit. Ожидая, что он сообщит импульс поддержке независимости, она призвала провести второй плебисцит по вопросу о выходе Шотландии из Соединённого Королевства. В действительности конечный эффект волеизъявления в отношении ЕС оказался нулевым. Часть сторонников членства в ЕС, которые в 2014 г. сказали "нет" независимости, готовы теперь сказать "да" в надежде, что выход из состава Великобритании позволит вернуться в Евросоюз. Однако схожее число сторонников Brexit, которые проголосовали в 2014 г. за независимость Шотландии, теперь говорят "нет", чтобы поддержать выход Британии из ЕС. См.: *Uniting the clans* // *The Economist*. 2017. 13 May. P. 26–27.

²⁰ *Eickhoff M.* Brexit: Keltische Revolten // *Blätter für deutsche und internationale Politik*. 2017. No. 5. S. 12.

с ЕС в рамках Brexit. В настоящее время в этом вопросе наметилось движение. Испанское правительство считается непримиримым противником сепаратного членства Шотландии в ЕС, поскольку не хочет создавать прецедента для стремящихся к независимости каталонцев и басков. Однако в апреле 2017 г., возможно на фоне вопроса о Гибралтаре, испанский министр иностранных дел Альфонсо Дастис заявил: "Мы не хотим независимости Шотландии. Но мы не будем стоять у неё на пути, если она будет достигнута законно и в соответствии с конституцией"²¹. Проевропейски ангажированные комментаторы оценили такое высказывание в пользу "частичного успеха" шотландского правительства. Правда, до сих пор не ясно, как Н. Стёрджен будет управлять независимой страной. Достаточен ли для независимости Шотландии её финансовый потенциал в условиях колебания цен на нефть, какая будет валюта, какие вооружённые силы, каким способом будет стабилизирован госбюджет — всех этих вопросов Н. Стёрджен избегает, чтобы не тревожить население²².

Между тем главы европейских государств и правительств не спешат переходить к обсуждению "шотландского вопроса". Не исключено, что эта позиция может измениться. По мнению немецких обозревателей, если ЕС захочет оказать давление на Т. Мэй, европейцы смогут в дальнейшем предложить шотландцам хорошую сделку²³.

Дискуссия о независимости Шотландии на какое-то время отвлекла внимание даже в Соединённом Королевстве от событий в Северной Ирландии. По мнению специалистов, неадекватный менеджмент ситуации вокруг Brexit может быстро привести к эскалации североирландского конфликта ввиду нестабильной внутривнутриполитической ситуации в регионе. На референдуме большинство населения Северной Ирландии (56 %) проголосовало за сохранение членства Великобритании в ЕС. Многие северные ирландцы опасались, что в случае жёсткого Brexit граница с Республикой Ирландия будет снова восстановлена как внешняя граница Евросоюза. И тогда старые разделительные линии из времён гражданской войны снова станут чётко различимы, и это осложнит контакты и передвижение людей между двумя частями Зелёного острова.

Согласно Договору Страстной Пятницы (1998 г.), который закрепил политическое урегулирование конфликта в Северной Ирландии, региональное правительство в Белфасте должно состоять из коалиции двух крупнейших партий: протестантской Демократической юнионистской партии и католической Республиканской партии (Шинн Фейн). По итогам региональных выборов 2 марта 2017 г. произошло изменение баланса сил в пользу республиканцев. Это вызвало распад коалиции с последующими трудными переговорами по нахождению компромиссов. Если не удастся прийти к соглашению, патовая ситуация может быть разрешена с помощью новых выборов или путём ликвидации североирландского самоуправления с передачей политической ответственности Лондону. В последнем случае центральное правительство могло бы благодаря прямому управлению провинцией заключить договор о границе с Республикой Ирландия

²¹ Цит. по: *Eickhoff M.* Brexit: Keltische Revolten. S. 13.

²² *Sturm R.* Uneiniges Königreich? Grossbritannien nach dem Brexit-votum // *Aus Politik und Zeitgeschichte.* 2016. 5 Dezember. S. 18.

²³ *Pham K.* Hey, ich bin Nicola! // *Die Zeit.* 2017. 18 Mai. S. 9.

и Евросоюзом. Лондон, как и Дублин, хочет избежать установления "жесткой" границы ЕС на Зелёном острове.

Шотландское правительство в свою очередь усматривает в возможности сохранения открытой границы с Республикой Ирландия доказательство того, что в процессе Brexit можно и должно предусмотреть согласованное в договорном порядке особое урегулирование для всех британских регионов. Очевидно, что такая точка зрения опирается на поддержку Евросоюза, который намерен во время переговоров по Brexit затронуть внутривластные проблемы Соединённого Королевства. Такой подход обосновывается тем, что в конечном итоге речь идёт о европейских проблемах, которые в рамках членства Британии в ЕС были, как казалось, преодолены. *Складывается впечатление, что ЕС хотел бы понудить британское правительство пойти на уступки региональным националистам.* Намёки на это содержатся, в частности, в немецких публикациях. Так, политолог Маттиас Эйкхофф пишет: "Многое зависит от того, сколько времени и внимания британское правительство сможет уделить этим регионам во время чрезвычайно сложных переговоров по Brexit. Если оно пренебрежёт этими частями страны, то сохранение Соединённого Королевства больше не будет гарантировано"²⁴.

Тереза Мэй в зеркале немецких СМИ

В условиях переговорного процесса по Brexit, который контролируется Германией, Брюссель и немецкие политические обозреватели уделяют повышенное внимание личности Т. Мэй. Причина такого внимания очевидна. Изначально Т. Мэй была настроена на жесткий Brexit и даже грозила выходом Британии из ЕС без заключения договора, если его условия будут не приемлемы для Лондона. В этом контексте Т. Мэй воспринималась как противник, хотя об этом открыто не говорили ни в Брюсселе, ни в Берлине. Там противников не только изучают, но и с опорой на СМИ демонизируют. Согласно немецким СМИ, в лице Т. Мэй Евросоюз имеет дело с жестким, холодным, вникающим во все детали, конфликтным и неуступчивым переговорщиком. Поэтому, чтобы отстоять интересы ЕС, стран-членов, а также проевропейски мыслящих британцев, реакция Брюсселя должна быть адекватна и соответствовать формуле "Если Лондон хочет жесткой игры, он её получит". Вместе с тем, чтобы подчеркнуть объективный и естественный характер такой позиции, акцент делается на непрофессионализм и неподготовленность Т. Мэй к таким переговорам, а также на то, что Brexit в принципе не может быть успешным.

В этих целях была организована утечка информации о щекотливых деталях конфиденциальной беседы, состоявшейся 26 апреля 2017 г. между Ж.-К. Юнкером и Т. Мэй за ужином в лондонской резиденции британского премьер-министра. То, чего не знала британская пресса, сообщила статья в воскресном выпуске немецкой *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, подготовленная при информационном содействии М. Майра, шефа ведомства Ж.-К. Юнкера²⁵.

²⁴ *Eickhoff M.* Brexit: Keltische Revolten. S. 11.

²⁵ *Kirchner Th., Zschke Ch.* Nach dem Dinner die Details // *Süddeutsche Zeitung*. 2017. 3 Mai. S. 6.

По официальной версии Лондона и Брюсселя, беседа прошла конструктивно и в дружеской атмосфере. В то же время в ходе личных контактов с европейскими коллегами Юнкер отметил, что по его впечатлению "британские друзья" недооценивают "технические трудности" Brexit.

Согласно немецкой статье, на самом деле произошла "катастрофа". По меньшей мере с точки зрения Комиссии. В конце ужина Ж.-К. Юнкер якобы сказал хозяйке на Даунинг-стрит, что "его скепсис вырос в десять раз в отношении сделки по Brexit" и что он "глубоко шокирован". В ответ Т. Мэй якобы пригрозила ему, что на переговорах она может быть "адски трудной женщиной" (*a bloody difficult woman*). Как следует из немецкой версии, председатель Комиссии был шокирован "наивностью" Т. Мэй и её "необоснованным оптимизмом". По словам Ж.-К. Юнкера, "дама" не поняла, насколько "решение по Brexit сотрясает основы и насколько огромны проблемы, с ним связанные". "Позвольте нам сделать Brexit успехом", — так цитируют Т. Мэй в немецкой статье. Затем воспроизводится холодная реплика Юнкера: "Brexit не может быть успехом". Т. Мэй назвала уничижительные выпады в свой адрес "брюссельской трепотнёй", а Д. Дэвис, британский министр по вопросам выхода Британии из ЕС, квалифицировал подробности, представленные в немецкой газете, как манёвр накануне переговоров.

Немало лиц в Брюсселе посчитали, что Комиссия зашла слишком далеко. Ибо неумение хранить тайну может разрушить остаток доверия, которое необходимо для успешных переговоров. В Лондоне оценили спланированную утечку информации как недружественный акт, который может подорвать позиции Т. Мэй накануне внеочередных парламентских выборов (8 июня 2017 г.). Противники премьера — лейбористы и либералы — увидели в сообщениях об ужине доказательство того, что у Т. Мэй отсутствует план переговоров, что она изолирует Великобританию, не демонстрирует силу, а просто занимает неправильную позицию. Консерваторы, напротив, попытались использовать это обстоятельство в своих целях. Согласно их интерпретации, ставшие известными многие детали разговора за ужином свидетельствуют о том, что переговоры будут трудными. Это означает, что население Великобритании должно поддержать на выборах сильное и стабильное руководство, чтобы оно выстояло в процессе переговоров. Другими словами, оно должно проголосовать за Т. Мэй.

Стоит отметить, что все комментарии в немецких СМИ, касающиеся Brexit и личности Т. Мэй, хотя и опираются на факты, но отличаются крайним недружелюбием. Прослеживается не только уязвлённость твёрдой позицией премьер-министра, но, возможно, и стремление подготовить читателя к перипетиям переговорного процесса, в ходе которого евробюрократы, сняв "бархатные перчатки", могут выставить себя в крайне невыгодном свете, в частности мелочным и мстительным переговорщиком.

В этом противоборстве не остаётся в долгу и Лондон. Комментарий подготовки ЕС к переговорному процессу носят в проправительственных британских СМИ негативный характер. По словам Т. Матуссека (германского посла в Лондоне в 2002–2006 гг.), если послушать, что говорят в Берлине, Брюсселе и Лондоне, возникает впечатление, будто навстречу друг другу мчатся два высокоскоростных поезда без машинистов и тормозов с риском лобового столкновения под проливом Ла-Манш²⁶.

²⁶ *Matussek Th.* Beleidigt sein hilft nicht // Süddeutsche Zeitung. 2017. 31 März. S. 2.

Пока такого столкновения не произошло, время от времени раздаются здравые голоса и в Брюсселе, и в Берлине, подчёркивающие заинтересованность обеих сторон в том, чтобы переговоры были доведены до принятия решений, которые устраивали бы и британцев, и оставшихся 27 стран-членов. Обращается внимание на то, что и после выхода Британии из ЕС должно быть продолжено взаимодействие сторон, например в вопросах обороны. Кроме того, признаётся, что Европа и дальше хочет развивать торговые отношения с Соединённым Королевством. В этом контексте считается контрпродуктивным разрушать фундамент дружеского сотрудничества²⁷.

Пропагандистские атаки на Т. Мэй сделали своё дело. Их послыл, что "жесткий британский премьер" по причине своего "непрофессионализма" не добьётся уступок от Брюсселя и что Brexit в принципе не может быть успешным, позволил британским противникам выхода Британии из ЕС утвердиться в своей правоте. В результате на фоне сильного информационного противодействия Брюсселя и Берлина Т. Мэй не смогла преодолеть раскол общества, вызванный итогами референдума по Brexit. И это показали итоги внеочередных парламентских выборов.

Внеочередные парламентские выборы в Великобритании: цели и результаты

Британский парламент регулярно, каждые пять лет, переизбирается, очередные выборы должны были состояться только в 2020 г. В случае необходимости премьер-министр имеет право назначить внеочередные парламентские выборы при одобрении $\frac{2}{3}$ действующего парламента. Т. Мэй воспользовалась этим правом и назначила выборы в палату общин на 8 июня 2017 г. при поддержке подавляющего большинства депутатского корпуса. После парламентских выборов 2015 г. и референдума по Brexit 2016 г. эти выборы стали третьим общенациональным опросом населения за последние два года.

Прежде Т. Мэй исключала возможность новых выборов, подчёркивая, что они приведут к дальнейшей "нестабильности". В апреле 2017 г. изменение своего решения она обосновала тем, что для предстоящих переговоров с Брюсселем о выходе Великобритании из ЕС ей необходимо более значительное большинство в парламенте, в отличие от имеющегося: 330 мандатов из 650.

В речи перед своей официальной резиденцией на Даунинг-стрит, 10 она сказала, что оппозиционные партии пытались торпедировать курс правительства в направлении Brexit, понуждая к уступкам Евросоюзу. Хотя это сопротивление, по словам премьер-министра, осталось безуспешным, однако оно заставило принять решение о назначении новых выборов. "В эти чрезвычайно важные месяцы для страны, — заявила Т. Мэй, — в парламенте должно царить единство, а парламент не един. Раскол в Вестминстере мешает сделать Brexit успешным. Каждый голос за консерваторов означает, что мы сможем реализовать наш план по обеспечению

²⁷ *Zaschke Ch. Zornesrauschen // Süddeutsche Zeitung. 2017. 4 Mai. S. 4.*

более сильной Британии и принять правильные долгосрочные решения для надёжного будущего"²⁸.

Кроме того, с помощью внеочередных выборов Т. Мэй ответила на критику своих оппонентов, указывавших на то, что для ведения переговоров она не имеет мандата от народа²⁹. В отношении установленного срока она подчеркнула, что июнь 2017 г. — наиболее удобный момент для выборов, который не отяготит процесс выхода из ЕС. "Мы имеем уникальный шанс, — заявила Мэй, — урегулировать этот вопрос, прежде чем ЕС согласует свою позицию и начнутся детальные переговоры"³⁰.

Ещё один мотив перевыборов — это давление на премьера сторонников как можно более жёсткого Brexit из числа консерваторов. Евросоюз им так ненавистен, что они охотнее согласились бы на выход из него без всякой сделки. Это политическое крыло грозит усложнить жизнь Т. Мэй, если она во время переговоров пойдёт хотя бы на малейшие компромиссы.

Влияние этого фактора на решение Мэй о переизбрании парламента оценивалось комментаторами по-разному. Одни посчитали, что с обретением комфортного большинства британский премьер хочет больше свободы для прагматичного подхода к переговорам и это облегчит компромисс с Брюсселем³¹. Другие обратили внимание на властно-политическую подоплёку. Политическое крыло в её собственной партии, выступающее за жёсткий Brexit, было единственным, что ограничивало власть премьера. Хотя Т. Мэй сама нацелена на жёсткое расставание с ЕС, однако в ситуации, когда перевес консерваторов в парламенте минимален, она видит возможность шантажа и это ей не нравится, так как не отвечает её представлениям о сильной и стабильной власти³².

Назначение выборов оценивалось европейскими политологами как ловкий ход. По мнению британского журнала *The Economist*, регулярно выступающего критиком британского премьера, важнее всех мотивов внеочередных выборов были опросы общественного мнения, которые показывали 20 %-ный отрыв консерваторов от показателей лейбористов, традиционного конкурента тори. Хотя выборы всё-таки отличаются от опросов и предсказать их результаты трудно, однако на фоне резкого падения авторитета лейбористского лидера Джереми Корбина (согласно опросам, только 14 % британцев предпочитали мистера Корбина Терезе Мэй на посту премьер-министра) и отсутствия предсказанных катастрофических явлений в британской экономике в условиях перехода к Brexit у Т. Мэй, как считалось, был шанс одержать сокрушительную победу и значительно увеличить перевес консерваторов в палате общин³³.

Убедительная победа могла усилить власть премьер-министра и в другом смысле. Новая генерация консервативных депутатов, в случае прохождения в новый парламент благодаря победе Мэй, видела бы своё будущее

²⁸ Menden A. Perfektes Timing // Süddeutsche Zeitung. 2017. 19 April. S. 7.

²⁹ Как правило, британский политик, избранный парламентом председателем правящей партии и премьер-министром в связи с досрочным уходом предшественника в отставку, проводил внеочередные парламентские выборы, чтобы легитимировать свою власть поддержкой народа. Исключение составил только лейборист Г. Браун, который продержался у власти один срок.

³⁰ Finke B. Theresa May setzt auf Neuwahlen // Süddeutsche Zeitung. 2017. 19 April. S. 1.

³¹ Back into battle // The Economist. 2017. 22 April. P. 25.

³² Zschke Ch. Die Eiskönigin // Süddeutsche Zeitung. 2017. 19 Mai. S. 3.

³³ Game change // The Economist. 2017. 22 April. P. 10.

в контексте безусловной лояльности председателю партии и премьеру. Ключевым лозунгом предвыборной кампании была выбрана формула "сильная и стабильная власть". Кампания была сильно персонифицирована. Предвыборная аргументация и наглядная агитация были сведены к личности Т. Мэй. На обоих бортах автобуса, на котором Мэй разъезжала по стране, чтобы встретиться с избирателями, хорошо видимыми буквами было написано её имя, а надпись "Консервативная партия" была сделана мелкими буквами и помещена на дверце кабины водителя. Избирателей призывали голосовать за Терезу Мэй и её команду, причём партийная идентификация команды премьера не упоминалась.

Эта уловка была сделана в расчёте на значительный электорат лейбористов в Северной Англии, чтобы им легче было проголосовать за "ненавидимых тори". То есть сторонникам Лейбористской партии внушалось, что они голосуют не за консерваторов, а за сильную и стабильную Мэй. Такой тактический приём мог свидетельствовать о значительном укреплении премьером Т. Мэй своих позиций всего в течение года после референдума по Brexit и отставки Д. Кэмерона. Как отмечали комментаторы, "она парит над своей партией"³⁴. Примечательно, что политическая кампания А. Меркель в связи с выборами в бундестаг (24 сентября 2017 г.) точно так же была персонифицирована, однако никому не приходило в голову критиковать её за это.

Наблюдатели были едины во мнении, что гипотетический неуспех Т. Мэй на парламентских выборах явился бы большой неожиданностью. И всё-таки какая-то надежда на такой неуспех у оппонентов Мэй теплилась. Комментаторы не соглашались с озвученными ею мотивами перевыборов. Страна демонстрирует единство в отношении Brexit, а парламент в Вестминстере, напротив, нет, поэтому нужен новый состав парламента, отражающий настроения народа. В противоположность такому подходу оппоненты Мэй отмечали, что значительное большинство парламентариев смирилось с вотумом в пользу Brexit. Страна же, как подчёркивалось, расколота как никогда прежде: сторонники и противники выхода из ЕС всё ещё непримиримо противостоят друг другу³⁵. Исходя из сказанного, ЕС с напряжением ожидал исхода парламентских выборов в Великобритании, желая видеть результат, более благоприятный для Брюсселя и переговорного процесса.

На первых порах выборы казались беспроигрышными. Но всё изменилось. В конечном итоге консерваторы должны были перейти в оборону. Это было связано с тем, что Т. Мэй, как подчёркивали её оппоненты, оказалась, вопреки ожиданиям, "слабым предвыборным борцом". Повторение ключевого лозунга предвыборной кампании "сильная и стабильная власть" в интервью и на встречах с избирателями Т. Мэй довела до автоматизма, равно как и ставшие знаменитыми фразы "Brexit есть Brexit" и "отсутствие сделки лучше, чем плохая сделка". Противники стали называть её говорящим роботом. Во всю мощь использовалась и негативная наглядная агитация. Фоторепортёры из оппозиционного лагеря обратили внимание на то, что в минуты волнения по лицу Мэй пробегает движение, похожее на гримасу. Они стали подстерегать именно эти моменты и заполнили Интернет гримасами Мэй.

³⁴ *Zaschke Ch.* Die Eiskönigin. S. 3.

³⁵ *Zaschke Ch.* Zornesrauschen // Süddeutsche Zeitung. 2017. 4 Mai. S. 4.

Тори пытались превратить выборы в голосование только по Brexit. Они неустанно повторяли, что речь идёт лишь о том, кто должен вести жёсткие переговоры с Брюсселем: лидер лейбористов Джереми Корбин или Тереза Мэй. Избирателей призывали голосовать за Мэй и её команду, а не за "закоренелого левака" Корбина, которого до поры до времени не воспринимали серьёзно даже в его собственной партии.

А тем временем Корбин ездил по стране и произносил пламенные речи, в которых критиковал сокращения в социальной сфере, произошедшие за семь лет пребывания у власти консерваторов. Он распознал самый большой и слабоосвоенный рынок в британской политике — молодёжь и дал ей то, что она хотела: обещание политики нового типа, основанной на социальной справедливости³⁶. Представления лейбористов о социальной справедливости были изложены по пунктам на 43 страницах предвыборного манифеста партии. Среди них: национализация железной дороги и почты, частичная национализация энергоснабжения, отмена платы за обучение в вузах и введение стипендий, учреждение Национальной службы воспитания с бесплатными учебными местами, отмена сокращений в финансировании государственной системы здравоохранения, масштабное жилищное строительство³⁷. Эти обещания заново переустроить страну, рассчитанные на предстоящие десять лет, требовали огромных дополнительных расходов объёмом в 250 млрд фунтов. Покрыть их Корбин намеревался за счёт кредитов и более высокого налогообложения, которое должно было затронуть только высший слой британского общества, представленный лицами с высокой зарплатой и владельцами собственности³⁸. Общее впечатление от предвыборных обещаний лидера лейбористов снижало, в частности, то, что ни одно из них не было в деталях обдумано и обосновано в финансовом отношении. Это отчасти играло на руку консерваторам, заявлявшим, что только они знают счёт деньгам и умеют ими правильно распоряжаться.

Предвыборный манифест лейбористов содержал чёткие заявления по Brexit. В частности: не должно быть выхода из ЕС без заключения договора; необходима договорённость по введению переходного периода; права граждан Евросоюза, иммигрировавших в Великобританию, должны быть гарантированы. Лейбористы хотели бы сохранить преимущества внутреннего европейского рынка и таможенного союза, а также элементы права ЕС. В то же время они остаются верными позиции, требующей включения регулирующих механизмов в иммиграционной политике³⁹.

Серия террористических атак, совершённых в период предвыборной кампании, заставила Т. Мэй снять лозунг "сильная и стабильная власть".

³⁶ Согласно проведённому в день выборов опросу 14 тыс. чел., за лейбористов проголосовало $\frac{2}{3}$ избирателей в возрастной группе от 18 до 24 лет и более половины из возрастной группы от 25 до 34. См.: Jeremy Corbyn, entrepreneur // *The Economist*. 2017. 17 June. P. 30.

³⁷ Согласно манифесту лейбористов, в новом легислатурном периоде должно быть построено около миллиона новых квартир, в том числе по меньшей мере 100 тыс. социальных квартир.

³⁸ *Zaschke Ch.* Jenseits vom Brexit // *Süddeutsche Zeitung*. 2017. 10 Mai. S. 7; *Krätke M.R.* Corbyns Versagen, Mays Kalkül // *Blätter für deutsche und international Politik*. 2017. No. 6. S. 9–12.

³⁹ *Krätke M.R.* Corbyns Versagen, Mays Kalkül S. 9–12.

А Дж. Корбин использовал теракты и общее горе как повод для нападок на премьер-министра и обвинений её в том, что она сократила количество полицейских, а значит, несёт ответственность за теракты. На исход выборов, по-видимому, повлияли и жёсткие акции информационно-психологической войны, которую Евросоюз ведёт против Т. Мэй в преддверии будущих переговоров по Brexit.

В то же время главным залогом быстрорастущего рейтинга Лейбористской партии стало, скорее всего, то, что она выступила как действительно оппозиционная сила, предложившая альтернативу правому курсу Мэй в условиях сильного давления глобализационных процессов на социальные системы развитых государств, в частности Великобритании, Германии, Франции, США. Общий эффект предвыборной кампании лейбористов был усилен темпераментом Дж. Корбина, левого политика старой формации, который на этот раз выступил как яркий борец и поднял значение человеческого фактора в борьбе за голоса избирателей. В последний день перед голосованием он произнёс страстную речь и выкрикнул в ликующую толпу сторонников такие слова: "Никогда прежде не было такого чёткого выбора между партиями. И это выбор между надеждой и страхом"⁴⁰.

Консервативная пресса писала о Дж. Корбине с бешенством. *Daily Mail* в своём выпуске накануне выборов посвятила кампании против Корбина 13 страниц, *Sun* предостерегала в отношении "марксистского правительства". И всё-таки лейбористам удалось значительно сократить отрыв от тори: с 20 до 2 процентных пунктов (консерваторы получили 42,4 % голосов, лейбористы — 40 %) ⁴¹.

Тереза Мэй выиграла выборы (317 мандатов), но не с тем результатом, с которым хотела. Консерваторы, потеряв 13 мандатов по сравнению с итогами 2015 г., утратили абсолютное большинство в парламенте и были вынуждены сформировать правительство меньшинства при поддержке в парламенте со стороны североирландской Демократической юнионистской партии (10 мандатов), являющейся сторонницей Brexit. 10 июня 2017 г. Т. Мэй нашла точные слова, совмещающие раскаяние и силу, когда, выступая перед группой влиятельных "заднескамеечников" — сторонников жёсткого Brexit, заявила: "Я тот человек, который навлёт на вас эту беду, но я единственный человек, который хочет вас из неё вывести"⁴².

На выборах 8 июня 2017 г. ШНП ухудшила результат 2015 г. (56 мандатов из 59 шотландских мест), получив только 35 мест в палате общин. По мнению наблюдателей, требование ШНП провести второй референдум о независимости Шотландии отпугнуло многих избирателей. Шотландцы предпочли отдать свои голоса партиям, выступающим против повторного референдума: консерваторам (12 мест), лейбористам (6 мест), либералам (3 места).

Выборы показали, что Т. Мэй не смогла преодолеть раскол страны, в том числе и ввиду сильного информационного противодействия со стороны Брюсселя. Лейбористам (261 мандат) и либералам (12 мандатов)⁴³

⁴⁰ *Zaschke Ch.* Der menschliche Faktor // *Süddeutsche Zeitung*. 2017. 8 Juni. S. 2.

⁴¹ *Finke B.* May Day // *Süddeutsche Zeitung*. 2017. 10–11 Juni. S. 1.

⁴² *Chaos-on-Thames* // *The Economist*. 2017. 17 Juni. P. 27–28.

⁴³ *Finke B.* May Day. S. 1.

удалось улучшить свои позиции по сравнению с 2015 г., потому что, как заявляли противники выхода Британии из ЕС, они ассоциировались в глазах избирателей с оппозицией, отстаивающей европейскую перспективу, или мягкий Brexit.

Исход выборов в Великобритании сообщил новый стимул для очередных информационных атак на Т. Мэй. Так, в немецких СМИ утверждалось, что её политический авторитет подорван, что опыт эффективного министра внутренних дел отнюдь не достаточен для того, чтобы занимать пост премьер-министра. Сообщалось, что консерваторы, известные своей жёсткостью и мстительностью, не простят ей утраты абсолютного большинства в парламенте, и даже назывались потенциальные кандидаты на пост премьера, в частности Джордж Осборн, бывший министр финансов, которого Мэй отправила в отставку, Борис Джонсон, бывший мэр Лондона, а затем министр иностранных дел в правительстве Т. Мэй, Дэвид Дэвис, министр по делам Brexit⁴⁴. Тем временем Дж. Корбин, вдохновлённый своим успехом, "расширившим границы возможного", стал надеяться на проведение внеочередных парламентских выборов, на которых, согласно опросам, он должен был победить.

Прошли месяцы. Однако прогнозы и надежды противников Т. Мэй в Британии и ЕС не сбылись. Мэй по-прежнему премьер-министр и даже заявила, что собирается пойти во главе консерваторов на очередные парламентские выборы в 2022 г. Б. Джонсон, известный своим стремлением стать "премьером вместо премьера", назвал это "хорошей идеей" и пообещал Т. Мэй свою поддержку. Его словам мало кто поверил, и дальнейший ход событий подтвердил оправданность такой недоверчивости.

Одним из факторов, удерживающих консерваторов от внутрипартийного раскола, считается страх, что Дж. Корбин может победить на следующих выборах⁴⁵. Другой фактор: в глазах своих критиков Т. Мэй менее рискованная альтернатива, чем все прочие (в частности "беспринципный путаник" Б. Джонсон или "высокомерный хлыщ" Д. Дэвис, как их аттестуют недоброжелатели из числа консерваторов). И это объясняет сегодняшнюю (возможно временную) властно-политическую "непопулярность" действующего премьера.

Проблемы, которые Т. Мэй хотела решить с помощью выборов, при нынешнем раскладе сил в парламенте только усложнились. Начались и трудно продвигаются вперёд переговоры с Евросоюзом, на которых Т. Мэй выступает легитимным переговорщиком благодаря относительной победе на внеочередных выборах. Выход Британии из ЕС не стоит под сомнением, тем более что результаты выборов подтвердили сохраняющееся большинство его сторонников. Но форма Brexit – мягкая или жёсткая – не очевидна. Борьба внутри страны и на уровне ЕС на этом направлении продолжилась.

⁴⁴ Zschke Ch. Oops, they did it again // Süddeutsche Zeitung. 2017. 10–11 Juni. S. 3.

⁴⁵ Т. Мэй решила на внеочередные выборы 8 июня 2017 г., потому что была убеждена, что за "такого экстремиста", как Дж. Корбин, никто не проголосует. Аналогичного мнения были и избиратели, проголосовавшие за лидера лейбористов. Они хотели насолить консерваторам из-за несогласия с их политикой, но не вручить Корбину ключи от Даунинг-стрит, 10. См.: Jeromy Corbin, entrepreneur. P. 30.

Европейско-британские переговоры: нашла коса на камень

28 августа 2017 г. переговоры между ЕС и Британией в рамках первой фазы перешли в третий раунд. Накануне состоялась презентация политической сатиры "Компромат", автор — отец Б. Джонсона, британского министра иностранных дел. Когда-то сам Б. Джонсон, будучи корреспондентом *Daily Telegraph* в Брюсселе, насмешками над Евросоюзом проторил соотечественникам дорогу к референдуму по выходу из ЕС. Теперь его отец потешается над событиями, сценариями и пересудами, связанными с Brexit. Так, исход референдума по Brexit насмешливо подаётся как "результат козней Москвы". А в конце книги бывший мэр Лондона и министр иностранных дел Б. Джонсон пытается с "русской помощью" выключить Т. Мэй из политического процесса. В общем, когда немецкие СМИ демонизируют Британию и её политический класс, министр иностранных дел Соединённого Королевства вместе со своим отцом устраивают презентацию политической сатиры, на которой демонстрируют хорошее настроение и смеются. По-видимому, в этой сатире высказано много нелицеприятного для Германии, иначе серьёзный журнал деловых кругов *Wirtschaftswoche* не поместил бы о ней заметку с возмущёнными нападками на отца и сына⁴⁶.

Нужно сказать, что какое-то время чиновники и дипломаты ЕС наблюдали события в Соединённом Королевстве со смешанным чувством, в котором возможность повеселиться и позубоскалить переплеталась с подспудными опасениями. Затем некоторые наблюдатели в Брюсселе стали смутно подозревать, что противник, по-видимому, недооценён. Один дипломат пришёл к выводу, что "британцы точно знают, в чём их интересы; на давление со стороны Брюсселя они и бровью не ведут и делают ставку на время, которое ограничено"⁴⁷.

В этой ситуации конструктивные шаги Д. Дэвиса, направившего в Брюссель ряд документов под названием "К подготовке третьего раунда переговоров", вызвали среди евробюрократов язвительный смех. "Британцы заваливают нас бумагами, — заявил депутат Европарламента немец Элмар Брок (ХДС/ХСС), — однако в решающих пунктах мы так и не продвинулись вперёд"⁴⁸. Речь идёт о прежних центральных темах, имеющих для брюссельских переговорщиков первоочередное значение: права мигрантов из ЕС в Британии, компенсационные выплаты Евросоюзу в связи с Brexit, щекотливый ирландский вопрос. Только прогресс по этим пунктам считается в Брюсселе залогом перехода ко второй фазе (или этапу) переговорного процесса, т.е. к переговорам о будущих отношениях, под которыми Т. Мэй понимает установление по возможности свободной и беспрепятственной торговли между ЕС и Соединённым Королевством.

По мнению журнала *The Economist*, ни одно британское правительство не согласится с предоставлением гражданам стран — членов ЕС больше

⁴⁶ *Borger S.* Wie es ihm gefällt // *Wirtschaftswoche*. 2017. No. 30. S. 36.

⁴⁷ *Brössler D., Mühlauer A.* Die Brieten zocken // *Süddeutsche Zeitung*. 2017. 26–27. August. S. 1.

⁴⁸ *Ibid.* S. 1.

прав, чем британцам, т.е. при полной защите со стороны Европейского суда. Никакое британское правительство не будет платить Брюсселю огромные суммы в 80–100 млрд евро. Что касается ирландского пограничного вопроса, то все стороны стремятся избежать проведения жёсткой границы с таможенным контролем. Вместе с тем в случае жёсткого Brexit будет трудно на практике избежать установления такой границы⁴⁹.

Не удивительно, что прогресс, который Брюссель ассоциирует с уступками британцев, заставил себя ждать. Ни один из опубликованных Лондоном документов не затрагивал финансовых вопросов. По словам министра иностранных дел Б. Джонсона, британцы — законопослушные люди, которые платят по счетам. Но они не должны платить ни пенни больше или меньше, если с их точки зрения отсутствует правовое обоснование предъявляемых требований. Так, Британия настаивает на справедливом дележе собственности ЕС. Она претендует, в частности, на часть зданий сообщества, а также на вина, хранящиеся в погребах Европейского совета. Брюссель в свою очередь отвергает притязания Британии на имущество ЕС. В его документах, затрагивающих финансовые вопросы Brexit, нет ни слова об активах Евросоюза, зато подробно перечисляются расходные статьи, по которым Лондон должен заплатить.

Финансы, по сравнению с вопросами торговли, не самая главная экономическая тема при выходе Британии из ЕС. В то же время она чрезвычайно взрывоопасна. Если Т. Мэй объявит британцам, что деньги налогоплательщиков пойдут, например, на оплату пенсий европейских чиновников, она столкнется с гневом не только сторонников жёсткого Brexit, но и рядовых граждан.

Неуступчивость и упорство европейской стороны объясняются прежде всего тем обстоятельством, что каждый евро, который Соединённое Королевство не внесёт в казну ЕС, является дополнительным бременем для стран — доноров Евросоюза. По словам одного еврочиновника, сложился порочный союз между странами нетто-плательщиками в бюджет ЕС и странами нетто-получателями. Единственный вопрос, по которому существует полное согласие, — это "выжать" из Британии как можно больше⁵⁰.

Британская же сторона хотела бы поставить свою готовность платить по счетам в зависимость от сделки в целом. Чем благоприятнее она окажется, тем великодушнее могло бы показать себя Соединённое Королевство, и наоборот.

Однако лондонская логика пришла в столкновение с директивами переговорной тактики 27 стран — членов ЕС: вначале выполнение условий выхода, затем переговоры по будущим торговым отношениям. С точки зрения Д. Дэвиса, выполнение условий ЕС, предусмотренных для первой фазы переговоров, неразрывно связано с будущими европейско-британскими отношениями. Он справедливо обращал внимание на то, что вопрос о границе между Северной Ирландией и Ирландской Республикой не может быть прояснён до тех пор, пока не станет известно, каким будет новый торговый режим.

⁴⁹ The hardest test // The Economist. 2017. 10 June. P. 29.

⁵⁰ Ibid.

Евросоюз 27 стран-членов проигнорировал доводы Дэвиса. Барнье было запрещено вносить коррективы в проводимый курс. Тем не менее Лондон не оставлял попыток как можно раньше вступить в дискуссию о будущих торговых отношениях с ЕС. Стратегический документ правительства предусматривает введение после 29 марта 2019 г. переходного периода (около двух лет), в течение которого будут сохранены связи Британии с таможенным союзом. По мнению Д. Дэвиса, это позволит обеспечить большую безопасность для экономик обеих сторон.

В принципе Брюссель признаёт необходимость переходной фазы, чтобы предотвратить жёсткий разрыв с Британией с непредсказуемыми последствиями для народных хозяйств. Директивы ЕС по переговорам с Соединённым Королевством предусматривают возможность регулирующих мер переходного характера, т.е. возведение своего рода "моста" между прежними и будущими европейско-британскими отношениями. Эти меры должны быть ограничены определённым сроком, однозначно сформулированы и подчинены "действенным механизмам реализации".

Накануне четвёртого раунда переговоров с Брюсселем стал заметен углубляющийся раскол в британском руководстве по вопросу Brexit. Премьер Т. Мэй, утратившая по итогам выборов 8 июня 2017 г. прежний авторитет, оказалась политическим заложником давления со стороны Брюсселя и двух противостоящих лагерей в Консервативной партии.

Министр иностранных дел Б. Джонсон, выступающий за жёсткий Brexit, бросил вызов Т. Мэй за неделю до её программной речи во Флоренции. В публикации в газете *Telegraph* он не без пафоса заявил, в чём состоит принципиальная проблема всего Brexit. По словам Джонсона, выбор 52 % избирателей в пользу выхода из ЕС меньше подпитывался возмущением по поводу выплат в определённые кассы или сопротивлением против определённых законов, а в большей степени — страстным желанием обрести подтверждение своей национальной сущности и личности: мы — британцы, мы были, есть и будем великими⁵¹. Действующий министр иностранных дел Соединённого Королевства сказал то, что многие его соотечественники хотели слышать после месяцев неуверенности, и пообещал, что после Brexit Великобритании ожидает славное будущее. Всех, кто в этом сомневается, он назвал трусами. Мягкий Brexit, по его словам, это унижение, а выплаты Брюсселю после выхода из ЕС — это предательство⁵². Комментарии по поводу высказываний Б. Джонсона со стороны европейских наблюдателей были ожидаемы. По их мнению, такие "иррациональные и маниакально великодержавные" заявления не сделают переговоры с Брюсселем легче⁵³.

Б. Джонсон, конечно, усложнил задачу Т. Мэй, которая в своей 35-минутной речи во Флоренции (22 сентября 2017 г.) попыталась удовлетворить все стороны, чтобы разблокировать зашедшие в тупик переговоры. Она обратилась к странам — членам ЕС с предложением ввести двухгодичный переходный период, с тем чтобы народные хозяйства могли

⁵¹ Kahlweit C. Wir sind Briten? Wir sind anders // Süddeutsche Zeitung. 2017. 18 September. S. 4.

⁵² Kahlweit C. Johnson für harten Brexit // Süddeutsche Zeitung. 2017. 18 September. S. 6.

⁵³ Kahlweit C. Wir sind Briten, wir sind anders. S. 4.

адаптироваться к последствиям Brexit. Она заявила также о готовности правительства выполнить финансовые обязательства перед ЕС в размере 20 млрд евро. Тон выступления был мягкий. Мэй призвала ЕС урегулировать вопрос о Brexit, как это делают друзья, чтобы в конце не осталось впечатления о разделяющем британцев и Европу, а, наоборот, о соединяющем. Реакция немецких СМИ была противоречивой. Одни комментаторы усмотрели в речи Мэй отход от жёсткого Brexit и просьбу о помощи, другие расценили выступление британского премьера как манёвр с целью активизировать переговорный процесс. Единство мнений было проявлено в вопросе о деньгах. Все решили, что 20 млрд — это до смешного маленькая сумма и может рассматриваться только как аванс. В целом комментатории носили, как всегда, недоверчивый и недружелюбный характер. Речь Т. Мэй не произвела впечатления ни на Брюссель, ни на Берлин⁵⁴. По заключению журнала *The Economist*, Мэй была слишком наивна, обращаясь к официальным лицам ЕС, основная забота которых — видеть Британию униженной⁵⁵.

В Лондоне вызов министра иностранных дел действующему премьеру был квалифицирован как начало "гражданской войны" среди консерваторов. Ряд политиков поддержали Б. Джонсона. Сторонники Т. Мэй, напротив, потребовали его отставки. Мэй не отважилась это сделать, потому что отставка Джонсона, который считается "крёстным отцом" Brexit, может нарушить хрупкий баланс сил в правительстве⁵⁶. Другая причина — популярность Джонсона в партии⁵⁷. Правда, это не мешает тори, включая ходатаев за жёсткий Brexit, говорить журналистам, что время Джонсона прошло, что он человек атмосферы прошлого года. Дело в том, что у представителей базиса Консервативной партии появился новый герой — эксцентричный мультимиллионер и радикальный евроскептик Якоб Рис-Могг⁵⁸, отвергающий любую сделку с ЕС. Сложилась

⁵⁴ Mays Manöver // *Süddeutsche Zeitung*. 2017. 21 September. S. 7; *Kornelius St. Mayday, mayday* // *Süddeutsche Zeitung*. 2017. 23–24 September. S. 4; *Kahlweit C. Signale von Santa Maria* // *Süddeutsche Zeitung*. 2017. 23–24 September. S. 6.

⁵⁵ Angry birds // *The Economist*. 2017. 23 September. P. 30.

⁵⁶ Т. Мэй вынуждена также считаться с вызовом 40 так называемых бунтовщиков из числа тори в палате общин. Они готовы отстранить действующего премьера от власти с помощью вотума недоверия и выбрать нового председателя партии, а значит, и нового премьера. Им недостаёт восьми голосов, чтобы инициировать вотум недоверия (по регламенту для этих целей требуется 48 голосов). Не все из этих 40 "заднескамеечников" являются фанатами Джонсона, но они хотят жёсткого Brexit и по этой причине "сидят с Джонсоном в одной лодке". В настоящее время идёт поиск недостающего числа сторонников. См.: *Kahlweit C. Hau rein* // *Süddeutsche Zeitung*. 2017. 14 November. S. 3.

⁵⁷ All about Boris // *The Economist*. 2017. 7 October. P. 31.

⁵⁸ Якоб Рис-Могг (48 лет) родился в семье известного британского журналиста, в Консервативную партию вступил в 16 лет, благодаря успешным спекуляциям на бирже стал очень богатым подростком, окончил Оксфорд, имеет шестерых детей, обладает многочисленными лимузинами класса "люкс" и "неподражаемым высокомерием британского сноба". Как радикальный евроскептик долгое время слыл маргиналом; как католик считался чересчур высокоморальным; как мультимиллионер воспринимался слишком отстранённым от жизненных реальностей; как реакционер позиционировался "далеко справа" даже от тори. Но Brexit многое изменил. Рис-Могг стал так популярен, что перед каждым публичным мероприятием вслед за ним по залам извивается очередь восхищённых фанатов. По мнению Рис-Могга, никто в Британии не должен бояться краха переговоров с ЕС. Соединённое Королевство не шантажируемо, потому что оно успешно

тупиковая ситуация. Действующий премьер слишком слаб, чтобы осуществлять свою власть, лидер группировки тори, выступающей за жёсткий Brexit, слишком слаб⁵⁹, чтобы сместить Т. Мэй с её поста, а Джереми Корбин, левый лидер лейбористов, становится всё сильнее⁶⁰.

Главный переговорщик от ЕС М. Барнье воспринял сигналы, содержащиеся во флорентийской речи Т. Мэй, как благоприятный повод для начала переговоров с Британией о будущих отношениях⁶¹. Германия и Франция выступили резко против такого подхода. Доминирующие настроения в Брюсселе чётко выразил один дипломат ЕС, заявивший: "Мы здесь не для того, чтобы спасти тори"⁶². Ибо неясный вопрос о Brexit имеет для евробюрократов совсем другое измерение: удастся ли Т. Мэй, потерявшей доверие партии, вообще сохранить власть? Согласно слухам, Брюссель из соображений предосторожности уже начал закулисный диалог по Brexit с лейбористами, которые, впрочем, в этом вопросе так же расколоты, как и консерваторы.

Неуступчивость Брюсселя привела к тому, что среди тори стало расти число сторонников выхода из ЕС без договора. Особенно отчётливо это проявилось в первых числах октября 2017 г. на съезде консерваторов в Манчестере. Во время его работы множество делегатов тяготело к приверженцам жёсткого Brexit, которые доказывали, что Британия должна выйти из ЕС "завтра" и что Брюссель должен платить Лондону, а не британцы — еврочиновникам⁶³. На съезде Мэй заявила, что хочет конструктивных отношений с ЕС. В то же время она дала чётко понять, что возможен выход Британии из Евросоюза и без договора. На этот случай правительство предпринимает надлежащие меры⁶⁴.

Перспектива Brexit без договора была встречена в ЕС с растущей обеспокоенностью, поскольку, как, заявил президент Европейского совета Д. Туск, ЕС не работает над такими "апокалиптическими сценариями". М. Барнье счёл необходимым предостеречь британского переговорщика Д. Дэвиса такими словами: "Brexit не игрушка. Не забывайте это"⁶⁵.

Для объяснения своего неприятия переговорной политики Британии немецкие депутаты Европарламента ввели в политический обиход понятие "клевать изюм" (*Rosinen picken*), т.е. искать преимущества, избегая обязательств. Анализ подготовки и хода переговорного процесса показывает, что Брюссель сам хочет "клевать изюм", вымогая у Лондона уступки под давлением ультимативных требований.

торгует со многими странами мира и нет ничего легче, чем перейти на правила ВТО, тем более что ЕС для этого не нужен. Если Брюссель хочет договора, он должен идти на уступки. Переходный период не нужен. См.: *Brössler D., Kahlweit C. Auf Crash-Kurs // Süddeutsche Zeitung. 2017. 12 Oktober. S. 8.*

⁵⁹ Слабость Б. Джонсона во многом объясняется ситуацией в Консервативной партии, которая не может позволить себе риск нового состязания потенциальных претендентов за партийное лидерство. См.: *Spluttering // The Economist. 2017. 7 October. P. 30–31.*

⁶⁰ *Angry birds // The Economist. 2017. 23 September. P. 30.*

⁶¹ М. Барнье заинтересован в успехе сделки с Британией, поскольку надеется занять пост председателя Еврокомиссии после ухода в отставку Ж.-К. Юнкера.

⁶² *Kahlweit C., Mühlauer A. Zwischen Geld und Güte // Süddeutsche Zeitung. 2017. 9 Oktober. S. 7.*

⁶³ *The new torchbearers // The Economist. 2017. 7 October. P. 32.*

⁶⁴ *Kahlweit C. May kämpft für ihr Amt // Süddeutsche Zeitung. 2017. 5 Oktober. S. 1.*

⁶⁵ *Brössler D., Kahlweit C. Auf Crash-Kurs // Süddeutsche Zeitung. 2017. 12 Oktober. S. 8.*

Расставание: второй акт

Фактор времени всё же сыграл свою роль. Несмотря на сомнения наблюдателей, Брюссель и Лондон к концу 2017 г. заключили сделку на финальном этапе первой фазы. В результате на саммите ЕС 14–15 декабря 2017 г. было принято решение о переходе ко второй фазе, т.е. к переговорам о будущих торгово-экономических отношениях.

В предварительном компромиссном соглашении (фаза 1) на 16 странах были урегулированы денежные вопросы, права граждан ЕС в Соединённом Королевстве и соответственно права британцев в странах Евросоюза. Что касается вопроса о границе между Северной Ирландией и Республикой Ирландия, то его решение осталось на уровне декларативных заявлений. Британское правительство рассчитывает заплатить за расставание с ЕС около 40 млрд евро (54 млрд дол.). В 2019 и 2020 г. Британия продолжит осуществлять взносы в бюджет ЕС как страна-член. Кроме того, Лондон обязуется и в дальнейшем участвовать в финансировании проектов, которые были запланированы до Brexit, в частности в рамках долгосрочных структурных программ.

Гражданам ЕС, проживающим в Великобритании, гарантированы права, которыми они пользовались прежде: право проживания и воссоединения семей, социальное обеспечение наравне с британскими гражданами. Предусмотрено также, что в течение восьми лет после Brexit высшей инстанцией гарантирования прав граждан из стран ЕС будет Европейский суд.

Лондон обязался не допустить возникновения "жёсткой" границы между севером и югом Ирландии и тем самым обеспечить сохранение мирного Договора Страстной Пятницы⁶⁶. Под этим предлогом британцы хотели бы иметь преимущества при заключении торгового соглашения с ЕС, которое сделало бы границу ненужной. Такие желания считаются иллюзорными, пока Соединённое Королевство сохраняет намерение покинуть внутренний рынок ЕС и таможенный союз. На случай, если в ходе предстоящих переговоров не будет найдено решение, Великобритания, согласно п. 49 Соглашения о переходе ко второй фазе переговоров, должна гарантировать полное соблюдение на границе с Ирландией правил внутреннего рынка ЕС, которые важны для кооперации между севером и югом и для торговли в Ирландии. Это — огромная уступка, поскольку она предполагает сохранение в силе значительной части европейского права. В то же время Соглашение содержит ряд перестраховочных положений для северных ирландцев. В случае необходимости Лондон предполагает принять специальные решения для Северной Ирландии (в частности ввести для неё особый статус) при сохранении целостности Соединённого Королевства⁶⁷. И всё же и для Комиссии ЕС, и для премьер-министра Ирландии Л. Варадкара, и для министра по делам Brexit Д. Дэвиса остаётся сомнительной перспектива недопущения жёсткой границы с Ирландией при выходе Британии из внутреннего рынка и таможенного союза.

⁶⁶ Договор Страстной Пятницы (Белфастское соглашение) — договор о политическом урегулировании конфликта в Северной Ирландии. Был подписан 10 апреля 1998 г. (пятница — отсюда его неофициальное название). — *Прим. ред.*

⁶⁷ Brössler D., Mühlauer A. Trennung, zweiter Akt // Süddeutsche Zeitung. 2017. 9–10 Dezember. S. 9.

Сторонники жёсткой линии приветствовали сделку Т. Мэй с ЕС, несмотря на то, что премьер переступила многие из установленных ими "красных линий". Журнал *Economist* объяснил причины удивительного спокойствия приверженцев жёсткого Brexit. Во-первых, по мнению журнала, для них главной целью является просто выход Британии из ЕС в установленный срок, т.е. 29 марта 2019 г., пока настроения в обществе не изменились. Во-вторых, существует убеждение, что после того как состоится Brexit, всё другое возможно. По мнению Д. Дэвиса, неудовлетворительную торговую сделку можно будет пересмотреть, потому что "ничто не согласовано до тех пор, пока всё не согласовано". Министр экологии М. Гоув считает, что избиратели могут изменить то, что им не понравится в сделке по Brexit, на будущих выборах⁶⁸.

Тем временем Брюссель твёрдо придерживается намеченных целей. До октября 2018 г. договор о выходе Британии из Евросоюза, согласно ст. 50 Договора о ЕС, должен быть согласован. Затем его должны утвердить все страны-члены и Европейский парламент. После 29 марта 2019 г. Великобритания больше не будет являться членом ЕС, но останется для Брюсселя "очень особой третьей страной". После официального расставания проблемы, связанные с Brexit, ещё долго будут оставаться в центре внимания стран-членов.

ЕС признаёт необходимость переходного периода, но на своих условиях. Брюссель настаивает, чтобы Великобритания продолжала и дальше выполнять обязанности члена Евросоюза. Все новые законы, принятые в этот период, будут обязательны и для Британии, но представители Соединённого Королевства лишаются права участвовать в заседаниях европейских институтов.

Введение переходной фазы ставится в зависимость от упорядоченного протекания процесса Brexit, т.е. все условия выхода должны быть согласованы самое позднее до октября 2018 г. К этому сроку должны проясниться и рамки будущих отношений. Ввиду "красных линий", которые проводит Великобритания, будущие отношения с ЕС могут формироваться на основе заключения договора о свободной торговле по модели Канады или Японии. Правда, эти договоры не регулируют такую важную для Британии сферу, как услуги, которые составляют 70 % британского ВВП и 40 % экспорта. Британцы надеются на уступки со стороны ЕС. Д. Дэвис представляет себе договор о свободной торговле как "Канада плюс-плюс-плюс". Однако более льготные условия требуют признания правил внутреннего рынка ЕС, как это делает, например, Норвегия. Во всяком случае М. Барнье заявил о невозможности сделки с Великобританией, соединяющей существенные преимущества норвежской модели с легковесными обязательствами модели канадской. Существуют ограничения и юридического характера: если ЕС согласится заключить с Британией более щедрый договор, чем канадская модель, тогда ему придётся на тех же условиях пересмотреть прежние договоры с другими странами, включая Канаду.

Переговоры по этим вопросам начнутся после саммита ЕС в марте 2018 г. По мнению М. Барнье, дополнительно к договору по Brexit следует принять "политическое заявление". Оно должно включать такие

⁶⁸ The dogs that didn't bark // *The Economist*. 2017. 16 December. P. 28–29.

важнейшие пункты, как договор о свободной торговле, сотрудничество в области воздушного сообщения, юстиции, а также в сфере политики безопасности и обороны. Считается, что конкретное британское видение будущих отношений с ЕС будет изложено в третьей речи Т. Мэй по Brexit. Эту речь должно оттенить эссе Б. Джонсона о будущей роли Великобритании, которая не останется "государством-вассалом" в ЕС.

Большинство кабинета Т. Мэй хочет решений, исключаящих пребывание во внутреннем рынке и таможенном союзе. На это Брюссель отвечает, что не позволит Лондону "клевать изюм". Таким образом, многое в конце 2017 г. напоминает его начало. Достигнуто соглашение в первой фазе (деньги, права граждан ЕС, ирландский вопрос), но нет единства в отношении фазы второй.

В первой фазе ЕС продемонстрировал значительный переговорный потенциал, в том числе благодаря единству стран-членов. Сегодня наблюдатели сомневаются, что ему удастся сохранить прежнее единство. Оно зиждилось на общем интересе: оформить расставание таким образом, чтобы ни одна страна не проиграла. Теперь ситуация изменилась. Интересы экономически развитых стран (в частности Германии и Нидерландов) в отношении Великобритании значительно отличаются от интересов, например, Греции или Болгарии. По мнению политиков и специалистов, впереди наиболее трудная фаза переговорного процесса и для ЕС, и для Британии⁶⁹.

Ключевые слова: *Британия — Европейский союз — Брекзит — переговоры — информационная война — внеочередные выборы в палату общин — расстановка политических сил в Британии — Тереза Мэй — Джереми Корбин — Борис Джонсон.*

Keywords: *Britain — the European Union — Brexit — negotiations — information war — snap election to the House of Commons — the British political forces positioning — Theresa May — Jeremy Corbyn — Boris Johnson.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. All about Boris // The Economist. 2017. 7 October.
2. Angry birds // The Economist. 2017. 23 September.
3. A race against time // The Economist. 2017. 1 April.
4. Blue-collar Toryism // The Economist. 2017. 3 June.
5. Brexit? "Wird keine grossen Folgen haben" // Die Zeit. 2017. 10 August.
6. Britain's missing middle // The Economist. 2017. 3 June.
7. Brössler D., Kahlweit C. Auf Crash-Kurs // Süddeutsche Zeitung. 12. Oktober.
8. Brössler D. London will beim Brexit eine Trennung auf Raten // Süddeutsche Zeitung. 2017. 16 August.

⁶⁹ Brössler D., Mühlauer A. Trennung, zweiter Akt // Süddeutsche Zeitung. 2017. 9–10 Dezember. S. 9; Trade-off time // The Economist. 2017. 23 December. P. 46.

9. *Brössler D., Mühlauer A.* Die Brieten zocken // Süddeutsche Zeitung. 2017. 26–27 August.
10. *Brössler D., Mühlauer A.* Sehr gut gerüstet // Süddeutsche Zeitung. 2017. 30 März.
11. *Brössler D., Mühlauer A.* Trennung, zweiter Akt // Süddeutsche Zeitung. 2017. 9–10 Dezember.
12. *Brössler D.* Vom Brexit bedroht // Süddeutsche Zeitung. 2017. 20 September.
13. *Brössler D.* Wie die Zeit vergeht // Süddeutsche Zeitung. 2017. 10–11 Juni.
14. *Brüssel beim Brexit unerbittlich* // Süddeutsche Zeitung. 2017. 21 April.
15. *Chaos-on-Thames* // The Economist. 2017. 17 June.
16. *Cor!* // The Economist. 2017. 3 June.
17. *Dausend P., Tumann M.* Atom-Macht Europa // Die Zeit. 2017. 16 Februar.
18. *Eickhoff M.* Brexit: Keltische Revolten // Blätter für deutsche und internationale Politik. 2017. No. 5.
19. *Esterha'zy Y.* Ihr könnt uns mal // Wirtschaftswoche. 2017. No. 12.
20. *Finke B., Brössler D.* May: Wir verlassen die EU, nicht Europa // Süddeutsche Zeitung. 2017. 30 März.
21. *Finke B.* May Day. Süddeutsche Zeitung. 2017. 10–11 Juni.
22. *Finke B.* Nicht schon wieder // Süddeutsche Zeitung. 2017. 10–11 Juni.
23. *Jeremy Corbyn, entrepreneur* // The Economist. 2017. 17 June.
24. *Kahlweit C.* Hau rein // Süddeutsche Zeitung. 2017. 14 November.
25. *Kahlweit C.* Johnson für harten Brexit // Süddeutsche Zeitung. 2017. 18 September.
26. *Kahlweit C., Mühlauer A.* Zwischen Geld und Güte // Süddeutsche Zeitung. 2017. 9 Oktober.
27. *Kahlweit C.* Signale von Santa Maria // Süddeutsche Zeitung. 2017. 23–24 September.
28. *Kahlweit C.* Wir sind Briten, wir sind anders // Süddeutsche Zeitung. 2017. 18 September.
29. *Kirchner T., Mühlauer A.* Nur vier Minuten // Süddeutsche Zeitung. 2017. 2 Mai.
30. *Kirchner Th., Mühlauer A.* Hart, aber verbindlich // Süddeutsche Zeitung. 2017. 4 Mai.
31. *Kornelius St.* Mayday, mayday // Süddeutsche Zeitung. 2017. 23–24 September.
32. *Krätke M.R.* Corbyns Versagen, Mays Kalkül // Blätter für deutsche und internationale Politik. 2017. No. 6. S. 9–12.
33. *Krätke M.R.* Grossbritannien: planlos in den harten Brexit // Blätter für die deutsche und internationale Politik. 2016. No. 11.
34. *Mays Manöver* // Süddeutsche Zeitung. 2017. 21 September.
35. *Merkel A.* Austrittsfragen müssen zuerst geklärt werden // Das Parlament. Debatte-dokumentation. 2017. 2 Mai. No. 18.
36. *Mühlauer A.* Brüssel erhöht den Druck auf London // Süddeutsche Zeitung. 2017. 1 September.
37. *Mühlauer A.* EU bemüht sich um Entspannung im Brexit-Streit // Süddeutsche Zeitung. 2017. 4 Mai.
38. *Mühlauer A.* Rechnung aus Brüssel // Süddeutsche Zeitung. 2017. 3 Februar.
39. *Müller P., Pauly Ch.* Model Botswana // Der Spiegel. 2017. No. 13.
40. *Pham K.* Hey, ich bin Nicola! // Die Zeit. 2017. 18 Mai.
41. *Smith J.* Europa und das Vereinigte Königreich. Aus Politik und Zeitgeschichte. 2016. 5 Dezember. S. 11–16.
42. *Spluttering* // The Economist. 2017. 7 October.
43. *Sturm R.* Uneiniges Königreich? Grossbritannien nach dem Brexit-Votum // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2016. 5 Dezember. S. 17–23.

44. The dogs that didn't bark // The Economist. 2017. 16 December.
45. The hardest test // The Economist. 2017. 10 June.
46. The negotiator // The Economist. 2017. 1 April.
47. The new torchbearers // The Economist. 2017. 7 October.
48. Trade-off time // The Economist. 2017. 23 December.
49. Uniting the clans // The Economist. 2017. 13 May.
50. *Wettach S.* Die Tage der Abrechnung // Wirtschaftswoche. 2017. No. 14.
51. *Wettach S.* Über Geld spricht man nicht // Wirtschaftswoche. 2017. No. 35.
52. *Zaschke Ch.* Debatte in Etappen // Süddeutsche Zeitung. 2017. 31 Mai.
53. *Zaschke Ch.* Der menschliche Faktor // Süddeutsche Zeitung. 2017. 8 Juni.
54. *Zaschke Ch.* Die Eiskönigin // Süddeutsche Zeitung. 2017. 19 Mai.
55. *Zaschke Ch.* Erhellendes aus dem Herrenhaus // Süddeutsche Zeitung. 2017. 17 Januar.
56. *Zaschke Ch.* Jenseits vom Brexit // Süddeutsche Zeitung. 2017. 10 Mai.
57. *Zaschke Ch.* Kämpferisch gegen die Wand // Süddeutsche Zeitung. 2017. 30 März.
58. *Zaschke Ch.* Oops, they did it again // Süddeutsche Zeitung. 2017. 10–11 Juni.
59. *Zaschke Ch.* Theresa May // Süddeutsche Zeitung. 2017. 7–8 Januar.
60. *Zaschke Ch.* Zornesrauschen // Süddeutsche Zeitung. 2017. 4 Mai.